

МРНТИ 10.15.01; 10.15.91

<https://doi.org/10.26577/JAPJ117120263>**Д.Б. Махамбетсалиев** Crown Study and Travel, Алматы, Казахстан
e-mail: makhambetsaliyev98@gmail.com

ТИРАНИЯ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО КОНТРОЛЯ И НЕОБХОДИМОСТЬ УПРАЗДНЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ СУДОВ

Настоящая статья подвергает критическому анализу фундаментальные основания централизованного конституционного контроля, воплощённого в кельзеновской модели конституционных судов. Опираясь на принципы судебного монизма и юридического реализма, исследование доказывает, что институциональное обособление конституционного правосудия от обычных судебных функций порождает системную патологию, обозначенную как «конституционная атрофия» – прогрессирующую деградацию конституционной компетенции судей общей юрисдикции. Посредством сравнительного анализа постсоветских правовых систем, в особенности Казахстана и других государств – членов Содружества Независимых Государств (СНГ), в статье демонстрируется, что концентрированный конституционный контроль функционирует не как гарант основных прав, а как бюрократический фильтр, ограждающий государственный аппарат от прямого действия конституционных норм.

Исследование сочетает доктринальный правовой анализ с институциональной критикой, выявляя, каким образом монополизация конституционного толкования специализированными трибуналами подрывает принцип *iura novit curia* и создаёт условия для захвата судебной власти исполнительной ветвью.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что диффузная модель конституционного контроля, практикуемая в США после решения по делу *Marbury v. Madison* (1803), обеспечивает более эффективную защиту индивидуальных прав путём распределения полномочий по конституционному толкованию по всей судебной иерархии. Статья завершается дорожной картой институциональной трансформации для стран СНГ, предлагающей упразднение конституционных судов и интеграцию функций конституционного контроля в единые высшие судебные органы, что позволит восстановить конституционную компетенцию каждого судьи и демократизировать доступ к конституционному правосудию.

Ключевые слова: Конституционные суды, кельзеновская модель, судебный монизм, диффузный контроль, конституционная атрофия, постсоветские правовые системы, судебный контроль, СНГ, Казахстан, негативный законодатель, *erga omnes, inter partes, iura novit curia, stare decisis*.

D.B. Makhambetsaliyev

Crown Study and Travel, Almaty, Kazakhstan
e-mail: makhambetsaliyev98@gmail.com

The tyranny of centralized control and the necessity of abolishing constitutional courts

This article offers a critical examination of the foundational assumptions of centralized constitutional review as embodied in the Kelsenian model of constitutional courts. Drawing on the principles of judicial monism and legal realism, it argues that the institutional separation of constitutional adjudication from ordinary judicial functions produces a systemic pathology described as “constitutional atrophy”: the progressive erosion of the constitutional competence of judges of general jurisdiction. Through a comparative analysis of post-Soviet legal systems, with particular emphasis on Kazakhstan and other member states of the Commonwealth of Independent States (CIS), the article demonstrates that concentrated constitutional review operates less as a guarantor of fundamental rights than as a bureaucratic filter insulating the state apparatus from the direct effect of constitutional norms. The study combines doctrinal legal analysis with institutional critique to show how the monopolization of constitutional interpretation by specialized tribunals undermines the principle of *iura novit curia* and creates structural conditions for the capture of the judiciary by the executive branch. It further contends that the diffuse model of constitutional review, developed in the United States following the landmark decision in *Marbury v. Madison* (1803), provides more effective protection of individual rights by distributing the authority to interpret the constitution throughout the entire judicial hierarchy. The article concludes

by proposing a roadmap for institutional transformation in CIS jurisdictions, advocating the abolition of constitutional courts and the integration of constitutional review functions into unified supreme judicial bodies, thereby restoring the constitutional competence of every judge and democratizing access to constitutional justice.

Keywords: Constitutional courts, Kelsenian model, judicial monism, diffuse review, constitutional atrophy, post-Soviet legal systems, judicial review, CIS, Kazakhstan, negative legislator, *erga omnes*, *inter partes*, *iura novit curia*, *stare decisis*.

Д.Б. Махамбетсалиев

«Crown оқу және саяхат орталығы», Алматы, Қазақстан
e-mail: makhambetsaliyev98@gmail.com

Орталықтандырылған бақылаудың тираниясы және конституциялық соттарды жою қажеттілігі

Бұл мақалада Кельзен ұсынған конституциялық соттардың моделі негізіндегі орталықтандырылған конституциялық бақылаудың іргелі қағидаттары сындарлы талдауға алынады. Зерттеу сот монизмі мен құқықтық реализм қағидаларын басшылыққа ала отырып, конституциялық сот төрелігінің жалпы юрисдикциялық соттардан институционалды түрде бөлінуі жүйелік ақауға – «конституциялық атрофия» деп аталатын үдеріске алып келетінін дәлелдейді. Бұл құбылыс – жалпы юрисдикция судьяларының конституциялық құзыреттілігінің біртіндеп жойылуы ретінде сипатталады.

Посткеңестік құқықтық жүйелерге, соның ішінде Қазақстан мен Тәуелсіз Мемлекеттер Достастығы (ТМД) құрамындағы өзге елдерге жүргізілген салыстырмалы талдау негізінде, шоғырланған конституциялық бақылау тетігі адам құқықтарының шынайы кепілі ретінде емес, керісінше, конституциялық нормалардың тікелей әрекет етуінен мемлекеттік аппаратты оқшаулайтын бюрократиялық сүзгі рөлін атқаратыны көрсетіледі.

Мақалада құқықтық доктриналық талдау мен институционалдық сын бір арнада тоғыса отырып, конституциялық түсіндіру құқығын тек мамандандырылған трибуналдардың монополиясына беру *iura novit curia* қағидасының әлсіреуіне әкеп соғатыны және бұл жағдай атқарушы биліктің сот билігін иемденуіне қолайлы жағдай қалыптастыратыны жан-жақты баяндалады.

АҚШ-та 1803 жылғы *Marbury v. Madison* ісінен кейін қалыптасқан диффуздық модель – яғни конституциялық бақылау құзыреттілігінің сот жүйесінің барлық деңгейлеріне таратылуы – жеке құқықтарды қорғаудың анағұрлым пәрменді тәсілі ретінде қарастырылады.

Түйін сөздер: Конституциялық соттар, Кельзен моделі, сот монизмі, диффузиялық бақылау, конституциялық атрофия, посткеңестік құқықтық жүйелер, соттық бақылау, ТМД, Қазақстан, негативті заңшығарушы, *erga omnes*, *inter partes*, *iura novit curia*, *stare decisis*.

«Монополия на толкование Конституции – это высшая форма произвола, замаскированная под справедливость».

Введение

Архитектура конституционного правосудия вступила в новую эпоху вызовов и переосмыслений в двадцать первом веке. С тех пор как в 1920-х годах Ханс Кельзен предложил теоретические основы, приведшие к созданию Австрийского конституционного суда – прообраза того, что впоследствии стало доминирующей европейской моделью концентрированного конституционного контроля, правовые системы разных стран неизменно сталкиваются с ключевыми вопросами: кому следует доверить толкование конституции и каким образом должна быть институционально устроена такая функция (Kelsen, 1942).

В предлагаемом исследовании выдвигается смелая и нестандартная гипотеза: кельзеновская модель, вопреки её воспринимаемому статусу вершины конституционного проектирования, представляет собой своего рода «генетическую ошибку», систематически подрывающую сами те ценности, которые она призвана оберегать.

Централизованная модель конституционного контроля, суть которой заключается в сосредоточении полномочий по толкованию конституции в руках одного специализированного органа, с поразительной стремительностью распространилась по странам континентальной Европы, Латинской Америки и постсоветского пространства (Ginsburg & Versteeg, 2014).

Несмотря на широкое распространение кельзеновской модели, её фундаментальные предпосылки и последствия для конституционного правопорядка редко подвергались всестороннему критическому осмыслению. Настоящее ис-

следование восполняет этот пробел, предлагая обстоятельный доктринальный и институциональный анализ, с особым акцентом на практику применения модели в странах Содружества Независимых Государств (СНГ).

Актуальность данного анализа выходит далеко за рамки теории. В постсоветских реалиях конституционные суды зачастую оказывались неспособны обеспечить защиту основных прав, превращаясь в механизмы, придающие легитимность укреплению одностороннего управления (Trochev & Juzgenbayev, 2025). Показательным примером служит трансформация Конституционного суда Казахстана в Конституционный совет в 1995 году – после вынесенных решений, которые ставили под сомнение полномочия исполнительной власти. Это свидетельствует о том, как централизованная система конституционного контроля может быть переориентирована на обслуживание властных интересов. Подобные тенденции прослеживаются и в других странах СНГ, где суды зачастую выступают в символической роли, укрепляя, а не ограничивая влияние руководства.

В данной статье выдвигается радикальная альтернатива: отказ от существования конституционных судов как обособленных органов и переход к системе разрозненного конституционного контроля, основанной на американской модели, заложенной в деле *Marbury v. Madison* (1803). Согласно этой системе, каждый судья, в любом суде, наделяется не только полномочием, но и обязанностью оценивать соответствие законов конституции и отказывать в применении норм, противоречащих ей.

Такой подход, получивший название «судебный монизм», исходит из признания конституции не просто нормативным актом, а высшим законом, обязательным для применения. Следовательно, судебная функция включает в себя как толкование, так и применение всех норм права, включая положения конституционного характера (Marshall, 1803).

Теоретическая основа данного исследования опирается на три взаимосвязанных направления. Во-первых, американский правовой реализм обеспечивает эпистемологическое основание для понимания конституционного толкования как по своей сути судебной функции, неотделимой от разрешения конкретных споров (Llewellyn, 1930).

Во-вторых, сравнительное конституционное право позволяет проследить многообразие институциональных форм, в рамках которых

различные правовые системы реализуют контроль за соответствием норм основному закону (Ginsburg, 2003; Ferreres Comella, 2009).

В-третьих, критический институционализм предоставляет аналитический инструментарий для изучения того, каким образом формальные конституционные конструкции взаимодействуют с динамикой власти, приводя к результатам, часто отличающимся от провозглашённых намерений (Ginsburg & Simpson, 2014).

Данное исследование опирается на двойной методологический подход, объединяющий доктринальный анализ с институциональной оценкой. Доктринальный компонент включает в себя детальное изучение конституционных положений, основополагающих нормативных актов, регулирующих деятельность конституционных судов, а также ключевых судебных решений, с целью выявления формальной структуры системы конституционного контроля.

Институциональный анализ, в свою очередь, направлен на исследование функционирования этих судов в более широком контексте, особенно в странах постсоветского пространства, где европейские модели конституционного надзора были стремительно заимствованы в условиях институциональной нестабильности и незавершённых процессов трансформации. Примеры из Казахстана, России и других государств СНГ демонстрируют, как централизованная система конституционного правосудия проявляется в контекстах, характеризующихся оспариваемой легитимностью властных институтов.

На институциональном уровне исследование анализирует, каким образом формальные структуры функционируют в более широком контексте, опираясь на наработки политологической литературы по вопросам независимости судебной власти, особенностей конституционного правопорядка в условиях ограниченного плюрализма, а также динамики режимов.

Выбор стран для анализа основан на модели *most-similar-systems*, поскольку Казахстан, Россия и другие государства СНГ обладают рядом общих признаков: советское правовое наследие, одновременное заимствование кельзеновской модели конституционного контроля в начале 1990-х годов и различная степень институционального укоренения. Это позволяет провести сопоставление эффективности институтов в условиях отличающихся политических конфигураций при сохранении структурной сопоставимости.

Основу источниковой базы составляют тексты конституций, решения конституционных судов или советов, доступные через официальные базы данных, а также вторичная академическая литература. При этом исследование осознаёт ограничения, связанные с анализом институтов, функционирующих в условиях ограниченной транспарентности, где неформальные механизмы нередко существенно расходятся с закреплёнными в праве нормами.

Ставки данного исследования чрезвычайно высоки. Институт конституционного контроля – одна из наиболее значимых инноваций в истории государственности, позволившая наделить судебную власть полномочиями по сдерживанию произвола и утверждению верховенства основного закона (Bickel, 1962). Однако не менее важно и то, в какой институциональной форме реализуется этот контроль.

Конституционный суд, утративший самостоятельность, превращается из сдерживающего механизма в проводник внешнего влияния. В отличие от этого, модель разрозненного контроля формирует институциональную устойчивость за счёт системной избыточности: когда полномочия по толкованию конституции распределены между тысячами судей, централизованное влияние становится практически невозможным.

В данной статье утверждается, что настало время признать принципиальные изъяны кельзеновской модели и наметить путь к более действенной защите основного закона посредством судебного монизма.

С самого начала необходимо внести важное уточнение. Настоящая статья не утверждает, что все конституционные суды повсеместно оказались неэффективными. Напротив, Федеральный конституционный суд Германии (*Bundesverfassungsgericht*) стал признанным на международном уровне институтом с высокой степенью независимости и значимым вкладом в развитие правовой защиты. Аналогично, конституционные суды Испании, Португалии и Южной Кореи сыграли важную роль в укреплении институтов, основанных на принципах открытого управления.

Здесь, однако, выдвигается более точный тезис. Централизованный контроль за соответствием норм основному закону несёт в себе внутренние уязвимости, которые наиболее остро проявляются в условиях недостаточно развитых институтов, ограниченного плюрализма и неустойчивого распределения властных полномо-

чий – характеристик, присущих большинству стран постсоветского пространства.

Успешное функционирование конституционных судов в устоявшихся системах не опровергает данный аргумент, а, напротив, подчеркивает, что жизнеспособность кельзеновской модели напрямую зависит от институциональной среды, наличие которой не является универсальным условием в переходных или ограниченно открытых режимах.

Обзор литературы

Научные исследования в области конституционного контроля опираются преимущественно на два ключевых парадигмальных подхода, которые оказали значительное влияние как на теоретическое осмысление, так и на институциональную реализацию соответствующих механизмов. В данном разделе рассматривается интеллектуальная эволюция этих моделей, анализируются их философские основания, нормативные аргументы и эмпирические исследования, направленные на оценку их эффективности.

Теоретическое наследие Ханса Кельзена берёт своё начало в его более широкой концепции правового позитивизма, целью которой было представить право как замкнутую нормативную систему, независимую от внешних факторов – таких как мораль, социология или власть (Kelsen, 1967). В рамках данной иерархической модели конституция занимает вершину правового порядка, придавая легитимность подчинённым нормам посредством цепочки юридической действительности.

В такой конструкции Конституционный суд играет ключевую роль институционального гаранта верховенства основного закона, обеспечивая соответствие текущего законодательства базовым принципам, заложенным в конституции (Kelsen, 1942).

Охарактеризовав Конституционный суд как «негативного законодателя» (*negativer Gesetzgeber*), Ханс Кельзен совершил важный теоретический шаг, повлёкший за собой существенные институциональные последствия. Представляя конституционную юрисдикцию как разновидность законодательной деятельности – пусть и в отрицательной форме, в отличие от позитивного законотворчества, – Кельзен тем самым вывел Конституционный суд за пределы обыкновённой судебной системы (Kelsen, 1928).

Такое концептуальное решение имело чётко выраженную институциональную цель: снять озабоченность по поводу возможного нарушения принципа разделения властей, заключающегося в том, что несменяемые судьи могут отменять акты, принятые представительными органами. Если Конституционный суд воспринимается не как суд в традиционном смысле, а как орган, выполняющий своеобразную законодательную функцию, то возражения, связанные с подрывом баланса властей, во многом теряют убедительность (Stone Sweet, 2000).

Практические следствия данной теоретической конструкции имеют существенное значение. Во-первых, она обосновывает создание специализированного органа, отделённого от общей судебной системы и формируемого на основе процедур, отличающихся (как правило, с более выраженным участием представительных структур) от механизмов назначения обычных судей.

Во-вторых, она легитимирует концентрацию полномочий по осуществлению конституционного контроля в одном органе, в противовес их распределению между всеми судами. В-третьих, из этой модели следует вывод о том, что судьи общей юрисдикции не обладают ни полномочиями, ни достаточной квалификацией для самостоятельного разрешения конституционных вопросов, которые подлежат передаче в компетенцию специализированного трибунала (Ferrerres, 2009).

Сравнительное исследование Мауро Каппеллетти заложило основу типологии, различающей *концентрированные* и *диффузные* системы конституционного контроля (Cappelletti, 1971). В концентрированных системах исключительное право признания законодательства неконституционным принадлежит одному органу – Конституционному суду или Совету. Решения таких органов, как правило, обладают *erga omnes* действием, то есть обязательны для всех.

В диффузных системах любое судебное учреждение вправе отказаться применять норму, которую оно считает противоречащей конституции, хотя такое решение, как правило, имеет эффект лишь *inter partes* – ограниченный рамками конкретного дела, если только оно не подтверждено вышестоящими инстанциями.

Каппеллетти также выделил различие между *абстрактным контролем* (оценка законодательства вне конкретного спора) и *конкретным контролем* (возникающим в рамках реального

судебного разбирательства). При этом концентрированные модели, как правило, придают приоритет абстрактному контролю, тогда как диффузные ограничиваются рассмотрением конкретных дел.

Последующие исследования усложнили бинарную типологию, выявив множество гибридных моделей, сочетающих элементы как концентрированной, так и диффузной систем (Ginsburg, 2003). Так, в Бразилии одновременно сосуществуют концентрированный абстрактный контроль и диффузный конкретный контроль, осуществляемый всеми судами (Bustamante, 2010).

Конституционный суд Южной Африки реализует концентрированный контроль, но при этом встроен в единую судебную иерархию, а не выделен из неё, как это характерно для классической кельзеновской модели.

Распространение гибридных форм позволяет предположить, что жёсткое противопоставление концентрированных и диффузных систем скорее затемняет реальную картину, нежели проясняет её. В этой связи особое внимание следует уделять конкретным институциональным особенностям, определяющим фактическое функционирование конституционного контроля (Ginsburg & Versteeg, 2024).

Альтернативная модель диффузного конституционного контроля находит своё классическое воплощение в правовой системе Соединённых Штатов. Именно решение Верховного суда США по делу *Marbury v. Madison* (1803) закрепило принцип, согласно которому все суды обладают полномочиями – и, более того, обязанностью – оценивать соответствие законодательства основному закону и отказывать в применении норм, противоречащих конституции.

Мотивировочная часть, изложенная главным судьёй Джоном Маршаллом, основывается на первоочередных началах:

«Определение того, что является законом, – это безусловная прерогатива и обязанность судебной власти. Те, кто применяет норму к конкретным случаям, неизбежно должны истолковывать и разьяснять её» (Marbury v. Madison, 5 U.S. 137, 177, 1803).

Аргументация Маршалла исходит из основополагающего положения: конституция – это закон, а её толкование является по своей сути судебной функцией, неотделимой от процесса разрешения конкретных дел. Когда закон противоречит конституции, суд обязан определить, «какое из этих противоречащих положений

ний подлежит применению в рассматриваемом деле» (*Marbury, 5 U.S. 178*).

Маршалл подчёркивает:

«Поскольку конституция выше любого обычного законодательного акта, именно конституция, а не такой акт, должна применяться в случае их противоречия» (*Marbury, 5 U.S. 178*).

Противоположная позиция, по его словам, «разрушила бы саму основу всех писанных конституций» (*Marbury, 5 U.S. 178*).

Американская модель, таким образом, интегрирует конституционный контроль в обычную судебную деятельность, а не рассматривает его как отдельную функцию, требующую специализированных институтов. Каждый судья – от судов первой инстанции до Верховного суда – участвует в процессе конституционного толкования, разрешая конкретные споры.

При этом роль Верховного суда заключается не в монополизации конституционного интерпретирования, а в предоставлении авторитетного разрешения разногласий между нижестоящими судами и в формировании обязательных прецедентов посредством доктрины *stare decisis* (Friedman, 2002).

Влиятельное определение судебного контроля, предложенное Александром Биккелем как создающее «контрмажоритарную трудность», на протяжении десятилетий определяло рамки научных дискуссий (Bickel, 1962). Биккель утверждал, что когда несменяемые судьи аннулируют законодательные акты, принятые представителями, избранными на всеобщих выборах, они реализуют власть, с трудом согласуемую с принципами народовластия.

Эта критика с не меньшей – а зачастую и с большей – силой применима к концентрированным системам, в которых небольшая группа судей конституционного суда, как правило, назначаемая по ярко выраженным процедурным схемам, наделяется ещё более сосредоточенным объёмом полномочий, чем судьи в диффузных системах.

В последующих научных трудах была подвергнута сомнению традиционная интерпретация судебной власти как противостоящей воле большинства – как с эмпирической, так и с теоретической точек зрения. С эмпирической стороны, исследования показывают, что Верховный суд лишь изредка отклоняется от преобладающих общественных настроений, а его решения со временем, как правило, приходят в

соответствие с предпочтениями большинства (Friedman, 2009). С теоретической точки зрения, исследователи утверждают, что судебный надзор способствует укреплению демократических основ, обеспечивая соблюдение условий для полноценного участия в общественной жизни, поддерживая конституционные принципы в периоды преобладания краткосрочных тенденций и контролируя, чтобы законы отражали подлинную, а не искусственно сформированную волю общества (Ely, 1980).

Тем не менее, наиболее глубокая критика сосредоточенного конституционного надзора сформулирована в фундаментальной работе Джереми Уолдрона «Суть доводов против судебного пересмотра» (2006), где ставится под сомнение демократическая обоснованность возложения толкования конституции на ограниченный круг несменяемых судей. Уолдрон утверждает, что разумные разногласия в вопросах прав человека являются неотъемлемой частью общественного устройства, и такие разногласия должны разрешаться посредством открытых общественных процедур, а не односторонними судебными решениями.

Эта критика приобретает ещё большую остроту в контексте Конституционных судов, где ограниченное число судей – зачастую назначаемых в условиях выраженного влияния внешних факторов – берёт на себя полномочия отменять решения, принятые в рамках законодательного процесса, ссылаясь на ценности, по которым у добросовестных граждан может сохраняться несогласие. Таким образом, модель, восходящая к Кельзену, лишь усиливает проблему несоответствия между судебной властью и общественными предпочтениями, сосредотачивая интерпретативные полномочия в ещё более узком и восприимчивом к внешнему давлению органе, чем традиционная судебная система.

Прагматическая юриспруденция Ричарда Познера предлагает дополнительную критику, основанную на институциональной экономике. Познер ставит под сомнение целесообразность содержания отдельных, дорогостоящих конституционных трибуналов, указывая на то, что обычные суды обладают не только возможностью, но и, возможно, сравнительным преимуществом в разрешении конституционных вопросов в рамках конкретных судебных разбирательств (Posner, 2008).

Конституционный суд, по его мнению, представляет собой институциональное дублиро-

вание: специализированный орган с высокими издержками, выполняющий функции, которые обычная судебная система способна осуществлять более эффективно, с лучшей эмпирической опорой и опираясь на более широкую совокупность знаний, распределённых среди тысяч судей. С такой прагматической точки зрения, модель Кельзена выглядит не как изящное институциональное новшество, а как бюрократическое излишество – дорогостоящий ответ на проблему, которая в американской правовой системе была решена значительно проще ещё два столетия назад.

Распад Советского Союза в 1991 году стал отправной точкой для одного из крупнейших экспериментов в истории человечества в области конституционного строительства. Перед новыми независимыми государствами встала задача создания правовых систем с нуля, и большинство из них ориентировались на европейские образцы (Schwartz, 2000). В результате широкого заимствования получила распространение модель Конституционного суда по типу Кельзена, зачастую внедряемая без существенной адаптации к местным условиям.

Научная литература, посвящённая конституционным судам постсоветского пространства, рисует неоднозначную картину. Первоначальные оценки носили сдержанно обнадеживающий характер: отмечалось, что суды в России, Украине и ряде других государств начали формировать собственную юриспруденцию и пытались устанавливать конституционные рамки для деятельности исполнительной и законодательной власти (Schwartz, 2000). Однако последующее развитие показало уязвимость модели сконцентрированного конституционного надзора перед внешним давлением и возможностью утраты самостоятельности.

Ключевым фактором, по мнению автора, выступает уровень конкуренции в публичной сфере: там, где существует подлинная альтернатива и возможность сменяемости, конституционные суды получают больше простора для самостоятельных действий; напротив, при доминировании одной силы – суды оказываются под контролем или утрачивают свою роль как самостоятельного арбитра.

Пример Казахстана представляет особый интерес. Конституционный суд, созданный в соответствии с Конституцией 1993 года, вынес ряд решений, противоречащих интересам исполнительной власти, включая постановления, при-

знававшие недействительными попытки продления полномочий главы государства. В ответ на это Президент Назарбаев упразднил Конституционный суд, заменив его Конституционным советом, полномочия которого были существенно ограничены, а влияние главы государства на процедуру назначения – усилено. Этот своеобразный конституционный переворот наглядно продемонстрировал уязвимость сосредоточенного надзора: устранение или подчинение одного ключевого органа приводит к исчезновению эффективных ограничений на власть.

В научной литературе выделяется ряд характеристик сосредоточенного надзора, делающих его особенно восприимчивым к внешнему давлению в условиях ограниченного институционального плюрализма. Во-первых, малочисленность судей в конституционных судах облегчает воздействие через механизм назначения по сравнению с тысячами судей, работающих в системе обычных судов (Ginsburg, 2003). Во-вторых, высокая публичная заметность таких судов делает их привлекательной мишенью для давления, поскольку их решения имеют немедленное и общеобязательное действие (Helmke, 2005). В-третьих, отделённость от общей судебной системы зачастую оставляет их институционально изолированными и без поддержки в случае внешнего вмешательства.

Теоретическая позиция, изложенная в данной статье и обозначенная как «судебный монизм», представляет собой синтез идей американского правового реализма, сравнительного конституционного анализа и критического институционализма. Согласно концепции судебного монизма, судебная функция по своей природе является единой, и искусственное отделение конституционного правосудия от обычного судебного разбирательства приводит к нарушению целостности правоприменения. Конституция – это закон; судьи толкуют и применяют закон; следовательно, судьи обязаны толковать и применять Конституцию (Marshall, 1803).

Данная позиция опирается на древний принцип *iura novit curia* – «суд знает закон», согласно которому суд обладает неотъемлемым полномочием и обязанностью определять и применять применимые правовые нормы (Derlén, 2009). Если суд знает закон, то он, безусловно, знает и конституционный закон. Противоположная точка зрения фактически предполагает, что обычные судьи не способны понять основополагающий документ собственной правовой си-

стемы – предположение, которое принижает достоинство судебной профессии и подрывает её авторитет.

Поддержка концепции судебного минимизма вытекает также из практической реальности: конституционные вопросы нередко возникают в рамках обычных судебных разбирательств и зачастую рассматриваются косвенно, без официальной передачи в Конституционный суд. Так, например, когда ответчик оспаривает обыск на основании Четвёртой поправки, суды первой инстанции рассматривают вопрос напрямую. Аналогично, требования, касающиеся конституционных гарантий надлежащей правовой процедуры в гражданских делах, регулярно оцениваются судами общей юрисдикции.

Такая практика ставит под сомнение основополагающее допущение модели сосредоточенного надзора – что толкование конституции требует специальной судебной квалификации. Это допущение становится всё менее обоснованным в правовых системах, где конституционные принципы интегрированы в юридическое образование и повседневную судебную практику.

Однако и диффузная модель не остаётся вне поля критики. Исследователи указывают на ряд существенных недостатков американского подхода, которые заслуживают внимания. Во-первых, отсутствие *erga omnes* действия означает, что неконституционные законы могут сохранять формальную силу и продолжать применяться судами, которые ещё не рассмотрели соответствующий вопрос, что порождает правовую неопределённость и неравное обращение в различных юрисдикциях (Cappelletti, 1971).

Во-вторых, привязка к конкретным делам ограничивает возможность оспаривания закона только теми лицами, которые обладают процессуальной правоспособностью и могут доказать наличие ущерба, в результате чего некоторые неконституционные нормы сохраняются просто потому, что потенциальные заявители не располагают необходимыми средствами или знаниями для инициации судебного процесса (Tushnet, 2008).

В-третьих, учёные отмечают чрезмерную стоимость и затяжной характер конституционного судопроизводства в Соединённых Штатах, что де-факто предоставляет преимущество обеспеченным лицам и организациям, обладающим необходимыми ресурсами для доступа к судебной защите (Galanter, 1974).

Следует признать, что и американская модель не застрахована от внешнего влияния.

Процедура утверждения судей Верховного суда США с течением времени стала всё более поляризованной, а ключевые решения – такие как *Bush v. Gore* (2000) и *Dobbs v. Jackson Women's Health Organization* (2022) – лишь усилили дискуссии вокруг легитимности и беспристрастности Суда (Tushnet, 2023). Хотя доктрина *stare decisis* призвана обеспечивать правовую преемственность, на практике она неоднократно уступала идеологическим сдвигам в составе Суда, что наглядно демонстрирует её ограниченность.

Однако эти критические замечания не отвергаются, а соизмеряются с институциональными уязвимостями сосредоточенной модели. Центральный тезис заключается не в том, что диффузная система безупречна, а в том, что её недостатки менее разрушительны и в большей степени поддаются коррекции по сравнению с уязвимостью модели, в которой интерпретация конституции сосредоточена в одном органе. Даже если Верховный суд оказывается под внешним влиянием, он остаётся лишь одним из множества судебных институтов; тогда как утрата независимости Конституционного суда означает монопольную потерю всей системы конституционного надзора.

Результаты и обсуждение

Концептуальная конструкция кельзеновского Конституционного суда опирается на исходную методологическую неточность – представление конституционного правосудия как формы негативного «законодательства». Настоящий раздел показывает, что подобное определение порождает системную патологию в сфере конституционного управления: постепенное истощение конституционной компетенции среди судей общей юрисдикции. В рамках кельзеновской модели они превращаются в своего рода «конституционных инвалидов», утративших способность взаимодействовать с основным законом собственной правовой системы.

Такой подход не только искажает природу судебной функции, но и препятствует развитию единой правовой культуры, в которой Конституция служит источником руководящих принципов для всего судебного корпуса, а не исключительно для узкой группы специализированных органов. Искусственное отчуждение конституционной интерпретации от повседневной судебной практики ведёт к институциональному

параличу, в котором фундаментальные нормы становятся символическими, а не действенными.

Знаменитая формулировка Кельзена впервые прозвучала в его эссе 1928 года «*La garantie juridictionnelle de la Constitution (La Justice constitutionnelle)*», где он утверждал, что «отмена закона означает установление общей нормы, поскольку сама отмена носит тот же общий характер, что и его принятие»; следовательно, отмена закона «то же самое, что его принятие, но с отрицательным знаком, и, таким образом, по своей сути представляет собой законодательную функцию» (Kelsen, 1928, цит. по Brewster-Carías, 2010). Исходя из этой предпосылки, Кельзен делает вывод, что орган, осуществляющий такую функцию, должен быть специализированным и отделённым от общей судебной системы.

Риторическая сила этой конструкции заключается в её кажущемся разрешении напряжённости между судебным контролем и принципом разделения властей. Если конституционное правосудие трактуется как разновидность законодательной, а не судебной деятельности, то его осуществление специализированным органом не воспринимается как узурпация полномочий законодательной ветви. Конституционный суд в этом контексте превращается в своеобразную «третью палату» законодательного процесса, реализующую отрицательную нормотворческую функцию, подобно тому как обычные палаты осуществляют позитивную (Stone Sweet, 2000).

Однако при более внимательном рассмотрении становится очевидным, что данное определение представляет собой категориальную ошибку с далеко идущими последствиями. Судебная функция с самого начала включала в себя полномочие отказывать в применении недействительных норм – в этом и состоит суть иерархического понимания правовой системы, которое Кельзен сам активно отстаивал. Когда суд отказывается применять подзаконный акт, выходящий за пределы предоставленных ему полномочий, он не становится от этого административным органом. Когда суд не признаёт договор, противоречащий публичному порядку, он не превращается в законодательный институт. Охарактеризовать конституционный надзор как «законодательство» – значит спутать эффект судебного решения (общая недействительность) с природой самой функции, которую суд осуществляет (правосудие).

Аргументация председателя Верховного суда Джона Маршалла в деле *Marbury v. Madison*

ясно вскрывает эту ошибку: «Те, кто применяет правило к конкретным делам, неизбежно должны истолковывать это правило. Если два закона противоречат друг другу, суды обязаны определить, какой из них должен применяться» (5 U.S. at 177). Конституционное толкование – это не законотворчество, а осуществление правосудия, то есть применение заранее установленных норм к конкретным обстоятельствам.

Практическим следствием тезиса об «отрицательном законодателе» становится систематическое исключение судей общей юрисдикции из сферы конституционного толкования. В рамках кельзеновской модели, когда в ходе обычного судебного разбирательства возникает вопрос, касающийся конституционного права, суд обязан приостановить производство и передать дело на рассмотрение Конституционного суда. Этот механизм направления – ярко выраженный, например, в статье 100 Основного закона Германии, а также в аналогичных положениях других стран, следующих кельзеновской традиции, – институционализирует неспособность судей заниматься конституционными вопросами (Kommers & Miller, 2012).

Со временем такие последствия лишь усугубляются, формируя процесс, который здесь обозначается как «конституционная атрофия». Судьи, прошедшие обучение и практику в условиях сосредоточенной системы, внутренне усваивают представление о том, что конституционное толкование выходит за пределы их компетенции. Юридическое образование в этих системах представляет конституционное право как отвлечённую дисциплину, не связанную с повседневной судебной практикой. Профессиональная культура судейского корпуса развивается без активного взаимодействия с основным законом, что характерно для диффузных моделей. В результате, с течением поколений, судьи теряют не только навыки, но и саму установку мыслить в конституционной плоскости (Hirschl, 2004).

Явление приобретает особую остроту в правовых порядках стран СНГ, где проявляется в форме так называемого «процессуального страха» – наблюдаемой склонности судей общей юрисдикции при очевидных признаках конституционного нарушения не выносить решения по существу, а приостанавливать производство на месяцы, а порой и на годы. Когда судья усматривает явное противоречие между законом и Конституцией, институционально закреплённой

реакцией становится не немедленное применение норм высшей юридической силы, а процессуальный паралич: дело откладывается в ожидании рассмотрения Конституционным судом или Советом, права стороны остаются незащищёнными, а неконституционная норма продолжает действовать.

Этот процессуальный страх демонстрирует эмпирически, что Конституционные суды на практике функционируют не как ускорители конституционного правосудия, а как его тормоз – бюрократический барьер между гражданином и его конституционными гарантиями. Судья, способный разрешить вопрос за считанные дни, запускает процедуру, длящуюся месяцами. В течение этого времени нарушение сохраняется, а пострадавшая сторона несёт издержки отсроченного правосудия.

Явление атрофии проявляется в устойчивых и наблюдаемых поведенческих моделях. Судьи общей юрисдикции в системах с сосредоточенным конституционным надзором крайне редко вступают в содержательное взаимодействие с конституционными аргументами, рассматривая их не как предмет разрешения, а как основание для передачи в специализированный орган. Таким образом формируется то, что можно назвать «конституционной застенчивостью» – уклонение от обращения к основному закону даже в ситуациях, когда это было бы не только уместным, но и необходимым. Фактически такие судьи превращаются в «конституционных инвалидов», зависимых от специализированной экспертизы Конституционного суда при любом соприкосновении с основополагающими нормами правопорядка.

Этот подход прямо противоречит древнему принципу *iura novit curia* – «суд знает закон», – согласно которому суд обладает врождённым правом и обязанностью устанавливать и применять применимые правовые нормы независимо от аргументов сторон (Derlén, 2009). Если суд действительно «знает закон», он непременно должен знать и конституционное право. Предпосылка кельзеновской модели, согласно которой суды общей юрисдикции нуждаются в специальной помощи для толкования конституции, фактически отрицает способность судей постигать и применять то, что должно быть наиболее фундаментальной частью правовой системы.

Модель Кельзена тем самым порождает явление, которое можно охарактеризовать как *конституционный дуализм* – структурное расщепление

между обычным правом, подлежащим толкованию общими судами, и конституционным правом, «зарезервированным» за специализированным органом. Однако такое разделение противоречит самой основе кельзеновской *чистой теории права*, построенной на принципе иерархической согласованности правовой системы. Если каждая правовая норма обретает свою силу лишь через соответствие вышестоящим нормам, восходящим к конституции как высшему источнику, то логика правового единства требует участия всех судов в работе с полной нормативной иерархией.

На практике конституционный дуализм порождает целый спектр системных затруднений. Одним из наиболее заметных проявлений становятся юрисдикционные конфликты между конституционными судами и судами общей юрисдикции относительно того, какой орган уполномочен осуществлять толкование положений Конституции.

Со временем наблюдается фрагментация правовой доктрины: юриспруденция конституционного суда развивается в изоляции от общих правовых тенденций, что затрудняет согласованность и правовую предсказуемость. Эта автономность толкования, не укоренённая в общем развитии правовой системы, ведёт к расслоению правопонимания.

Кроме того, задержки в рассмотрении конституционных споров нередко приводят к временным разрывам: суды общей юрисдикции продолжают рассмотрение дел, основываясь на нормах, которые впоследствии могут быть признаны противоречащими Конституции. В результате возникает правовая неопределённость, когда правоприменение осуществляется на основе норм, чья конституционность ещё не подтверждена.

В своей сути, конституционный дуализм порождает разрыв между нормами, закреплёнными в тексте конституции, и их реализацией в правовой действительности. Конституция может провозглашать права и устанавливать ограничения, но они остаются бездейственными до тех пор, пока Конституционный суд не придаст им конкретное содержание через свои решения. Напротив, диффузная модель обеспечивает немедленное применение конституционных норм: любой судья, столкнувшийся с нарушением, может самостоятельно предоставить правовую защиту, не дожидаясь отложенного решения специализированного органа.

Современная научная литература всё более критично оценивает тезис Кельзена об «отрицательном законодателе». Виктор Ферререс Комелья подчёркивает, что такая характеристика игнорирует творческую, нормообразующую природу любой конституционной интерпретации – независимо от того, осуществляется ли она специализированным или обычным судом (Ferreres Comella, 2009). Сравнительное исследование Пола Йоуэлла также демонстрирует значительное отклонение Конституционных судов от исходной теории Кельзена. На практике эти органы часто берут на себя активную, а порой и конструктивную роль, которая ближе к позитивному законотворчеству, чем к строго негативному контролю (Yowell, 2019).

Конституционные суды в своей практике выходят далеко за рамки простой отмены неконституционных законов. Они толкуют конституционные тексты, формируют правовую доктрину, уравнивают конкурирующие конституционные принципы и через свои решения придают конституционным нормам содержательное значение. Все эти функции воплощают суть правосудия, а не законодательства. Следовательно, определение таких судов как «отрицательных законодателей» искажает сложность и глубину их реальной деятельности.

Более того, тезис об отрицательном законотворчестве не учитывает неизбежную интерпретативную функцию, присущую каждому суду при применении конституционных норм. Даже Конституционный суд, прежде чем аннулировать закон, обязан его истолковать. Этот процесс – установление смысла конституционных положений, определение их применимости к оспариваемому акту, логическое выведение конкретных последствий из общих принципов – и есть квинтэссенция судебной функции. Называть результат этого процесса «законодательством» лишь потому, что он имеет общий эффект, – значит смешивать результат с природой самой деятельности.

Альтернативой кельзеновскому дуализму выступает то, что в данной статье обозначено как *конституционная интеграция* – включение конституционного толкования в повседневную деятельность судов общей юрисдикции по всей системе правосудия. В рамках этой модели конституционные вопросы получают немедленное судебное рассмотрение, не дожидаясь передачи в специализированный орган. Каждый судья становится одновременно и конституционным

судьёй, применяя нормы Основного закона в контексте конкретных споров.

Конституционная интеграция отражает базовое понимание того, что конституция – это закон, а её толкование составляет сущность судебной функции. Конституция закрепляет права, наделяет полномочиями, устанавливает ограничения и формирует структуру государственного управления. Эти положения требуют применения и осмысления в бесчисленных ситуациях, возникающих в ходе обычных судебных процессов. Концентрация всей этой интерпретативной работы в одном специализированном органе создаёт институциональное «узкое горлышко», которое затрудняет доступ к эффективной защите конституционных прав.

Американская модель демонстрирует, что конституционная интеграция практически осуществима. Ежедневно тысячи судей – как федеральных, так и судей штатов – сталкиваются с конституционными вопросами, развивая соответствующую юриспруденцию через разрешение конкретных дел. Верховный суд играет роль финального арбитра и формирует обязательную прецедентную практику, однако он не монополизирует право на конституционное толкование. Напротив, он возглавляет пирамиду системного взаимодействия с конституцией, которая охватывает всю судебную вертикаль.

Конституционная интеграция обеспечивает ряд преимуществ по сравнению с моделью Кельзена. Во-первых, она предоставляет немедленный доступ к конституционной защите, исключая задержки, связанные с процедурами направления. Во-вторых, она развивает конституционную компетентность в рамках всей судебной системы, а не концентрирует её в одном органе. В-третьих, она создаёт структурную устойчивость: при распределённой ответственности исключается эффект «единой точки отказа». В-четвёртых, она связывает конституционное толкование с фактическими обстоятельствами конкретных дел, а не с абстрактными спекуляциями по поводу нормативного содержания.

Генетическая ошибка кельзеновской концепции «отрицательного законодателя» заключается в том, что она трактует конституционное правосудие как нечто иное, чем судопроизводство. Однако толкование конституции – это не законотворчество, а правосудие высшей пробы. Отрицая этот принцип, модель Кельзена систематически подрывает конституционную

дееспособность тех правовых систем, которые её приняли, формируя поколения судей, уверенных в собственной неспособности взаимодействовать с основополагающим законом своего государства.

Структурные изъяны, присущие кельзеновской модели – изложенные в предыдущем разделе – приобретают особенно тревожные формы при её применении в системах, лишённых действенных механизмов правового сдерживания. В рамках постсоветских правопорядков сосредоточенный конституционный надзор оказался неспособным эффективно защитить индивидуальные права и, напротив, был функционально переориентирован на укрепление властной неподотчётности.

По своей конструкции Конституционные суды представляют собой малочисленные и централизованные органы, обладающие исключительной прерогативой в области толкования конституции. Механизмы назначения судей в такие органы часто подвержены внешнему влиянию, что делает их институционально уязвимыми к формам подчинения. Теоретики институтов описывают это явление как «*точку единого отказа*» (Ginsburg, 2003), при которой сосредоточение власти в одном звене создаёт высокий риск его эксплуатационного захвата. В условиях, где управление уже характеризуется высокой степенью централизации – зачастую вокруг доминирующего лидера или силы – Конституционный суд становится идеальной возможностью для управляемого вмешательства и перенастройки в интересах удержания контроля.

Гипотеза захвата предсказывает, что Конституционные суды в условиях ограниченного институционального равновесия будут демонстрировать характерные модели поведения: первоначальные попытки заявить о независимости, за которыми следует постепенное сближение с доминирующими центрами власти; юриспруденция, не ограничивающая, а напротив – оправдывающая действия исполнительной власти; выборочное применение конституционных норм против оппонентов при одновременном игнорировании аналогичных нарушений со стороны союзников; и, в конечном итоге, превращение суда в инструмент легитимации сложившегося порядка (Ginsburg & Simpson, 2014).

Опыт постсоветских государств предоставляет широкую эмпирическую базу в подтверждение этих прогнозов. В своём всестороннем исследовании Алексей Трошев приходит к выводу,

что «на сегодняшний день ни один из конституционных судов постсоветского пространства не сформировался как по-настоящему независимый трибунал». Суды в государствах Центральной Азии – Казахстане, Таджикистане, Узбекистане – а также в Азербайджане и Беларуси охарактеризованы как «институциональные декорации, функционирующие преимущественно в качестве имиджевых конструкций для квазимонархических режимов». Другие суды демонстрируют большую активность, однако «остаются в серьёзной зависимости от преобладающего центра власти».

Казахстан представляет, пожалуй, самый яркий пример институционального захвата Конституционного суда. Созданный Конституцией 1993 года, суд первоначально проявил неожиданную степень самостоятельности, принимая решения, противоречащие предпочтениям исполнительной власти. Ключевым моментом стало признание недействительными парламентских выборов 1995 года по процедурным основаниям – решение, вызвавшее конституционный кризис, напрямую поставивший под угрозу удержание власти Президентом Назарбаевым.

Реакция Назарбаева была решительной: Конституционный суд был упразднён. В новой Конституции 1995 года его место занял Конституционный совет – орган с существенно ограниченными полномочиями, сниженной доступностью для инициирования дел и процедурами назначения, усилившими влияние главы государства. Члены совета назначались непосредственно Президентом, а также руководителями палат парламента, формировавшимися через электоральные процессы, находившиеся под контролем Назарбаева. Эта институциональная трансформация фактически стала конституционным переворотом, осуществлённым в рамках формально-правовых механизмов.

С тех пор Конституционный совет функционировал как орган, обеспечивающий нормативное подтверждение существующего порядка – сначала при Назарбаеве, а затем при его преемнике, Президенте Токаеве.

Казахстанский опыт наглядно демонстрирует уязвимость сосредоточенного конституционного надзора перед решительно настроенным исполнительным центром. Независимость Конституционного суда 1993 года сохранялась лишь до того момента, пока она не вошла в противоречие с интересами действующего руководства; после этого орган был попросту упразднён.

Концентрация конституционной власти в рамках одного института сделала такое устранение возможным. При диффузной системе ситуация была бы принципиально иной: тысячи судей общей юрисдикции сохраняли бы право на конституционное толкование вне зависимости от судьбы одного учреждения, что создало бы значительные институциональные препятствия для подчинения системы в целом.

Эволюция Конституционного суда России представляет собой сложную траекторию, отмеченную чередованием периодов относительной независимости и постепенного подчинения исполнительной власти. После принятия Конституции 1993 года суд продемонстрировал стремление к институциональной автономии, рассматривая политически чувствительные дела и время от времени вынося решения, вступающие в противоречие с интересами исполнительной ветви.

Однако его позиция во время конституционного кризиса 1993 года – когда он встал на сторону парламента в противостоянии с Президентом Ельциным – показала риски, связанные с открытым сопротивлением центру власти. Последующее приостановление деятельности суда со стороны Ельцина, пусть и кратковременное, стало прецедентом, оказавшим длительное влияние на поведение суда в будущем.

Возрождённый на основе нового органического закона, существенно ограничившего его юрисдикцию и процедуры, Конституционный суд постепенно выработал более сдержанную, адаптивную позицию. При Президенте Путине суд в значительной степени действовал в унисон с исполнительной властью, подтверждая конституционность спорных инициатив и избегая решений, способных вызвать недовольство центра.

Поправки к Конституции 2020 года, которые, в частности, устранили иммунитет бывших президентов от преследования (за исключением Ельцина и самого Путина) и позволили Путину занимать высший пост до 2036 года, были одобрены Конституционным судом без проведения содержательного анализа. Это согласие наглядно продемонстрировало завершение трансформации суда – от потенциального механизма ограничения власти к инструменту её нормативного подтверждения.

Опыт постсоветских государств выявляет ряд структурных особенностей сосредоточенного конституционного надзора, делающих его

уязвимым в условиях оспариваемой или чрезмерно централизованной власти.

Во-первых, процедура назначения судей Конституционного суда, как правило, предполагает участие лиц, обладающих властными полномочиями, что создаёт предпосылки для отбора лояльных кандидатов. Даже в тех случаях, когда предусмотрены формальные гарантии – такие как требование квалифицированного большинства или участие нескольких ветвей власти – целеустремлённые главы исполнительной власти способны использовать неформальные рычаги влияния, контроль над иными институтами или инициирование конституционных поправок для обеспечения желаемого исхода (Ginsburg, 2003).

Во-вторых, малочисленный состав Конституционных судов – как правило, от девяти до девятнадцати членов – означает, что даже ограниченное количество назначений способно изменить идеологический вектор всей инстанции. Лидер, находящийся у власти на протяжении нескольких сроков, получает возможность сформировать большинство в суде, фактически определяя его состав и решения. В этом отношении контраст с диффузными системами разителен: заменить или воздействовать на тысячи судей общей юрисдикции столь же легко невозможно.

В-третьих, высокая публичная заметность и сконцентрированные полномочия Конституционных судов делают их приоритетной целью для внешнего давления. Решения этих судов обладают немедленным и всеобщим действием, тогда как решения обычных судов касаются лишь конкретных сторон спора. Это институциональное асимметричное положение создаёт стимулы для концентрации давления именно на Конституционном суде, а не на всей судебной системе.

В-четвёртых, институциональная изоляция Конституционных судов от общей судебной иерархии нередко оставляет их без внутренней поддержки в случае внешнего вмешательства. В то время как суды общей юрисдикции встраиваются в более широкую систему с устойчивыми профессиональными нормами и международными связями, специализированные органы зачастую лишены аналогичных ресурсов и каналов защиты (Helmke, 2005).

Помимо прямого институционального захвата, Конституционные суды в постсоветских системах нередко выполняют функцию, которую в данной статье можно обозначить как «*бюрократический фильтр*» – структурный механизм, посредством которого конституционные обра-

щения направляются по процедурам, затрудняющим, а не способствующим их разрешению. Доступ к Конституционному суду, как правило, ограничен определёнными субъектами либо требует исчерпания всех обычных средств защиты, что создаёт барьеры, преодолеть которые обычному гражданину крайне сложно (Ferreeres Comella, 2009).

На практике функция бюрократического фильтра означает, что нарушения конституционных прав остаются без восстановления, поскольку пострадавшие не в состоянии пройти сложные процедуры, необходимые для обращения в Конституционный суд. Гражданин, чьи права нарушены неконституционным законом, не может просто поднять соответствующий вопрос в рамках обычного судебного разбирательства и получить оперативное судебное решение. Вместо этого ему необходимо либо убедить уполномоченного субъекта инициировать обращение в Конституционный суд, либо исчерпать все иные средства правовой защиты и лишь затем попытаться получить доступ к конституционному контролю – процесс, который может занять годы и потребовать ресурсов, недоступных большинству.

Это разительно отличается от диффузных моделей, таких как в Соединённых Штатах, где конституционные претензии могут быть подняты напрямую в любом суде в рамках обычного процесса. Судьи первой инстанции могут выносить немедленные решения, оперативно восстанавливая нарушенные права и создавая давление, способствующее институциональным или законодательным реформам. Хотя такие решения распространяются только на стороны конкретного спора, они позволяют гражданам участвовать в процессе реализации конституции и демократизируют доступ к правосудию.

Пожалуй, наиболее тревожным аспектом централизованного конституционного надзора является фактическая монополизация толкования конституции. Когда одна институция обладает исключительным правом определять конституционный смысл, все альтернативные точки зрения – будь то со стороны нижестоящих судов, юридического сообщества или гражданского общества – оказываются лишёнными нормативной силы, если они не подтверждены этим органом. В результате формируется контролируемая дискурсивная среда, в которой структурно подавляется конституционный плюрализм.

Такое монопольное положение порождает несколько искажений в правовом и общественном диалоге. Во-первых, оно демотивирует внешних участников к содержательному осмыслению конституционных вопросов, поскольку их интерпретации не обладают авторитетом. Во-вторых, оно замыкает конституционную экспертизу в узком институциональном контуре, препятствуя распространению знаний о конституции в более широких слоях общества. В-третьих, оно закрепляет иерархическую модель правопонимания, при которой легитимность знания исходит лишь от одного, санкционированного государством источника. Такая модель противоречит идеалам демократического конституционализма, основанного на коллективном участии граждан в осмыслении и формировании конституционного порядка, в котором они живут.

Дополнительную проблему централизованного надзора представляет его *эпистемологическое ограничение* – связанное с ограниченным числом принимающих решения. Конституционные суды, как правило, состоят из девяти до девятнадцати судей, от которых ожидается знание всех аспектов конституционного права. Однако конституционные вопросы возникают в самых разных, узкоспециализированных сферах – от уголовного процесса до экологического регулирования, трудового права и интеллектуальной собственности. Ожидать, что столь ограниченная группа универсалистов способна охватить всю эту сложность, – значит подвергать сомнению реализм такой модели.

Трудно всерьёз утверждать, что одиннадцать судей Конституционного суда могут быть мудрее тысяч судей общей юрисдикции. Последние обладают как специализированной профессиональной экспертизой, так и непосредственным контактом с фактическими обстоятельствами, в которых возникает конституционный вопрос. Конституционные судьи, действующие в рамках абстрактных процедур, лишены ни той глубины предметной специализации, ни той фактической опоры, которую даёт рассмотрение конкретных дел.

Диффузная модель эффективно отвечает на эпистемологическую проблему через механизм *распределённого познания*. Конституционные вопросы, возникающие в уголовных делах, рассматриваются судьями, обладающими специальными знаниями в области уголовного права; вопросы в сфере коммерческого права – судья-

ми с соответствующей экспертизой; и так далее. Верховный суд затем синтезирует эти разрозненные выводы, опираясь на конституционную аргументацию, выработанную в различных звеньях судебной системы. Результатом становится конституционная юриспруденция, обогащённая гораздо более широким спектром знаний, чем может обеспечить какой-либо специализированный орган.

Эмпирические данные, полученные на основе анализа деятельности Конституционных судов постсоветских государств, позволяют прийти к определённому выводу: *сосредоточенный конституционный надзор институционально не пригоден для систем с высокой концентрацией властных полномочий*. Проблема *единой точки отказа* означает, что захват одного органа ведёт к устранению всей системы сдержек и противовесов. *Бюрократическая фильтрация* препятствует доступу к конституционному правосудию. *Монополизация интерпретации* искажает правовой дискурс. А *эпистемологические ограничения* малочисленных коллегиальных органов приводят к отрыву конституционного толкования от реальных обстоятельств, в которых эти нормы должны обеспечивать защиту прав.

Диффузная модель предлагает *структурные преимущества*, позволяющие преодолеть эти уязвимости. Распределяя конституционную компетенцию между тысячами судей, она создаёт *устойчивость к захвату*: ни один институт не может быть устранён или подчинён без остатка. Обеспечивая возможность заявлять конституционные претензии в рамках обычного судопроизводства, модель *демократизирует доступ* к защите основных прав. Допуская участие множества институциональных голосов в процессе толкования, она формирует *конституционный диалог*, а не монолог. И, наконец, привлекая распределённую экспертизу всей судебной системы, она создаёт *интерпретацию, укоренённую в фактических контекстах*, где эти права реально применяются.

Таким образом, постсоветский опыт представляет собой *естественный эксперимент*, свидетельствующий в пользу диффузной модели по сравнению с сосредоточенной – по крайней мере в условиях, где властные полномочия сосредоточены, а демократические ограничения ослаблены.

Преыдушие разделы критически рассмотрели кельзеновскую модель концентрированного конституционного контроля, выявив её

теоретическую неполноту и практические несоответствия. В данном разделе предлагается альтернативный подход – *доктрина диффузного монизма*, в рамках которой каждый судья наделён как полномочием, так и обязанностью толковать и применять конституционные нормы при разрешении конкретных дел.

Диффузный монизм основан на трёх взаимосвязанных предпосылках.

Во-первых, Конституция является правом, более того – высшей нормой всей правовой системы. Эта аксиома, лежащая в основе всей конституционалистики, означает, что её положения обладают той же обязательной силой, что и иные правовые нормы: они подлежат интерпретации и применению судебными органами при разрешении правовых споров.

Во-вторых, судебная деятельность по своей сути состоит в толковании и применении норм права. Эта классическая концепция правосудия, закреплённая в деле *Marbury v. Madison* и выраженная в принципе *iura novit curia*, утверждает, что суд обладает врождённой компетенцией и долгом определять применимые нормы и приводить их в действие. Судья «знает право» не в силу индивидуальных знаний, а в силу самой природы своей функции.

В-третьих, из указанных положений логически следует вывод: каждый судья, в каждом суде, обладает полномочием и обязанностью интерпретировать и применять нормы Конституции. Конституция есть право; судьи толкуют и применяют право; следовательно, судьи должны толковать и применять Конституцию. Эта силлогистическая структура не допускает исключений ни для судей низших инстанций, ни для иных судебных органов. Все суды, независимо от уровня, реализуют полномочие, вытекающее из самого характера их деятельности, при рассмотрении дел, затрагивающих конституционные вопросы.

Институциональный вывод не менее очевиден: сосредоточение конституционного контроля в специализированном органе противоречит самой природе судебной функции. Утверждение о том, что судьи общей юрисдикции не уполномочены интерпретировать Конституцию, по сути означает отрицание их подлинного судебного статуса – по крайней мере, в той мере, в какой речь идёт о высшем правовом акте государства. Подобное «судебное обеднение», как это было названо, обедняет сущность судебной деятельности и препятствует

ет осуществлению полноценного конституционного правосудия.

Классическим выражением концепции диффузного конституционного контроля служит дело *Marbury v. Madison*. Аргументация председателя Верховного суда Джона Маршалла утверждает, что толкование конституционных норм – это не исключительная прерогатива особых учреждений, а естественное продолжение повседневной судебной функции:

«Утверждать, что есть отдельная ветвь власти, которой принадлежит право говорить, что есть закон, – значит признать, что эта обязанность принадлежит судебной власти. Те, кто применяет норму к конкретным случаям, неизбежно должны толковать её. Если две нормы противоречат друг другу, суд должен определить порядок их применения. Если же закон противоречит Конституции, и обе нормы применимы к одному делу, суд не может избежать выбора: либо следовать закону и отвергнуть Конституцию, либо следовать Конституции и отклонить закон. Определить, какое из этих правил управляет делом, – суть судебной обязанности» (5 U.S. at 177–178).

Таким образом, судебская обязанность интерпретировать Конституцию не нуждается в особом органе – она проистекает из самой природы судебной власти как таковой.

Сила данной аргументации едва ли может быть оспорена. Когда судья сталкивается с делом, в котором одновременно применимы как законодательная норма, так и положение Конституции, он не может уклониться от конституционного толкования. Применение закона с игнорированием Конституции по сути уже представляет собой акт интерпретации: признание конституционной нормы неприменимой либо подчинённой. Вопрос лишь в том, будет ли это толкование открытым – через обоснованный конституционный анализ – или скрытым – через формальное применение обычных правовых норм без должного осмысления.

Аргументация Маршалла адресована не только высшей судебной инстанции, но и всем судьям без исключения. Судьи первой инстанции, магистраты, а также судьи апелляционных звеньев повсеместно сталкиваются с делами, в которых возможен конфликт между законом и Конституцией. В логике *Marbury v. Madison* каждый из них обязан включаться в процесс конституционного толкования как в неотъемлемую часть судебной функции.

Роль высшего суда в такой системе состоит не в том, чтобы монополизировать право конституционного суждения, а в том, чтобы обеспечивать окончательное разрешение интерпретационных разногласий и формировать обязательные прецеденты.

Диффузный монизм утверждает не только право, но и обязанность судей общей юрисдикции обращаться к Конституции при рассмотрении дел. Эта обязанность вытекает из нескольких источников: присяги судьи, долга по обеспечению справедливого разрешения споров, а также институциональной роли суда как опоры конституционного порядка.

Особое внимание заслуживает судебная присяга. Во всех конституционных системах судьи дают клятву поддерживать, защищать или охранять Конституцию. Эта присяга несёт в себе требование активного обращения к конституционным вопросам. Судья не может выполнить возложенную на него клятвой обязанность, если сознательно уклоняется от анализа таких вопросов или механически перекладывает ответственность на иные институты. Игнорирование очевидных конституционных нарушений в рассматриваемом деле означает отступление от присяги и, тем самым, от самой сути судебной миссии.

Преданность Конституции требует от судьи не просто пассивного признания её высшей силы, но и активного включения в процесс конституционного анализа. Судья не является лишь сторонним наблюдателем за действием конституционных норм; он обязан исследовать соответствие действий органов власти конституционным принципам, тщательно анализировать конституционные аспекты каждого дела и обеспечивать эффективное восстановление нарушенных прав. Эта обязанность несовместима с автоматическим перенаправлением ответственности конституционному суду. Напротив, она предполагает непосредственное вовлечение в интерпретацию Конституции и применение её норм в пределах собственной юрисдикции.

Такая обязанность имеет далеко идущие последствия для правового образования и профессионального становления судей. Судьи должны обладать и постоянно поддерживать необходимую компетентность для осуществления своих функций в рамках конституционного правосудия. Следовательно, юридическое образование должно обеспечивать будущих правоприменителей инструментами для конституционного

мышления во всех отраслях права, а система повышения квалификации судей – способствовать углублению и актуализации этих знаний на протяжении всей их профессиональной деятельности. Конституционная грамотность не может оставаться прерогативой узкого круга специалистов – она должна пронизывать всю судебную систему.

Одним из часто упоминаемых возражений против диффузной модели является опасение фрагментации толкований. Когда каждый судья вправе рассматривать конституционные вопросы, возникает риск расхождений в понимании и применении конституционных норм, что, в свою очередь, вызывает беспокойство относительно юридической определённости и системной согласованности.

Тем не менее, американская модель демонстрирует работоспособный механизм преодоления этих рисков. Благодаря доктрине *stare decisis* и чёткой иерархии судов, различия в интерпретациях не только управляемы, но и подлежат гармонизации. Решения нижестоящих судов подлежат пересмотру инстанциями более высокого уровня, при этом прецеденты Верховного суда обладают обязательной силой. Таким образом, единообразие обеспечивается не путём централизации интерпретации, а за счёт институционально выстроенной системы судебного надзора и авторитета прецедента.

Эта модель позволяет реализовать преимущества широкой вовлечённости судебных органов в конституционный анализ, не жертвуя при этом целостностью правовой системы. Множественные суды участвуют в формировании конституционного дискурса, вырабатывая разнообразные подходы и выявляя аспекты, которые могли бы остаться вне поля зрения одного института. Верховный суд затем синтезирует эти подходы, формируя авторитетную доктрину. Результатом становится обогащённая и одновременно согласованная конституционная юриспруденция, рождающаяся на стыке децентрализованного анализа и иерархической координации.

Сопоставление с кельзеновской моделью наглядно выявляет преимущества иерархической согласованности над институциональной концентрацией. В рамках кельзеновского подхода конституционное толкование сосредоточено исключительно в руках специализированного суда. Судьи общей юрисдикции в такой системе играют, по сути, вспомогательную процессуальную роль – передавая конституционные вопросы, ко-

торые они не уполномочены разрешать самостоятельно. Напротив, диффузная модель исходит из понимания конституционного толкования как коллективной ответственности, распределённой по всей судебной системе. Верховный суд, сохраняя за собой окончательную инстанцию, выполняет координирующую функцию, интегрируя интерпретационные вклады нижестоящих судов для формирования единого и устойчивого конституционного порядка.

Одним из часто высказываемых возражений против диффузного контроля является ограниченность действия решений судов общей юрисдикции. Конституционные суды, как правило, выносят решения с *erga omnes* эффектом – они обязательны для всех субъектов права. В диффузных системах, напротив, решения, как правило, имеют силу лишь *inter partes*, то есть применяются только к сторонам конкретного дела. Возникает вопрос: не делает ли это концентрированную модель более авторитетной и эффективной?

Это возражение переоценивает значение формального охвата и недооценивает динамику системного воздействия. Хотя решения судов низших инстанций изначально касаются лишь конкретных сторон, их совокупное влияние способно преобразовывать само понимание конституционных норм. По мере накопления схожих подходов в различных юрисдикциях возникает сходимость прецедентов, формируется доктринальное единство и появляются *de facto* конституционные стандарты. Таким образом, децентрализованное взаимодействие судов приводит к глубинным и устойчивым последствиям конституционного масштаба.

Более того, ограниченность *inter partes* обеспечивает ценные преимущества. Она создаёт пространство для институционального эксперимента: разные суды могут опробовать различные подходы к разрешению конституционных вопросов, что позволяет выявить наиболее жизнеспособные решения. Такой подход обеспечивает оперативную защиту прав сторон, не заставляя их ждать универсального решения высшего органа. Кроме того, он сохраняет тесную связь между толкованием Конституции и конкретными обстоятельствами дел, тем самым снижая уровень абстракции, присущий централизованному контролю.

Механизм *certiorari*-юрисдикции, применяемый Верховным судом в диффузных системах, служит действенным инструментом в ответ на

обеспокоенность отсутствием *erga omnes* эффекта. Отбирая дела, содержащие принципиально важные конституционные вопросы, и формулируя решения с прецедентной силой, суд предоставляет правовой системе руководство в ситуациях, где единообразие имеет ключевое значение. Такая стратегия позволяет сохранить преимущества широкой вовлечённости судебных органов, одновременно обеспечивая системную согласованность.

Ключевая особенность диффузного минимизма состоит в том, что конституционные полномочия приписываются всем судьям – независимо от их ранга или территориального положения. Для критиков может показаться тревожным, что недавно назначенный судья в отдалённой юрисдикции вправе самостоятельно толковать конституционные нормы. Возникает вопрос: не должен ли он уступить предполагаемому экспертному превосходству вышестоящих инстанций?

Ответ на озабоченность по поводу участия судей низших инстанций в конституционном анализе заключается в различии скромности и пассивности. Судейская умеренность не означает отказ от конституционного мышления; напротив, она требует вдумчивого участия, основанного на понимании собственной институциональной позиции. Судья первой инстанции вправе предложить обоснованное конституционное толкование, осознавая при этом, что его суждение может быть пересмотрено вышестоящей инстанцией. Такое участие, пусть и осторожное, подтверждает осознание конституционной ответственности; тогда как безусловное самоотстранение от анализа означает отказ от неё.

Во-вторых, альтернативный путь – ещё хуже. Если судьи низших звеньев отказываются от конституционной компетенции, кто тогда обеспечит защиту прав на уровне конкретных судебных процессов? Подсудимый, чьи права по Четвёртой поправке были нарушены, не может ждать решения Верховного суда: защита требуется в момент рассмотрения ходатайства о недопустимости доказательств. Работник, уволенный с нарушением процедурных гарантий, нуждается в немедленном судебном вмешательстве, а не в отложенном решении Конституционного суда. Диффузная модель допускает такую оперативную защиту, в то время как централизованная – откладывает её, тем самым подрывая правосудие.

Обязанность судьи первой инстанции реагировать на конституционные нарушения отражает

саму сущность конституционных прав. Эти права – не абстрактные декларации, а конкретные притязания личности к государству, которые требуют уважения и защиты без промедления. Судья, сталкивающийся с нарушением, должен обладать полномочием обеспечить восстановление нарушенного права. Диффузный контроль предоставляет такое полномочие – централизованный же, напротив, его отнимает.

Одним из наиболее распространённых возражений против диффузного подхода является проблема доступа к правосудию. Критики утверждают, что такой режим возлагает чрезмерное бремя на отдельных истцов, которым приходится самостоятельно поднимать сложные конституционные вопросы в рамках обычных производств. Это особенно актуально в юрисдикциях, где отсутствуют развитые механизмы правовой помощи или институционализированные формы общественного интереса.

Однако данное возражение игнорирует два принципиальных обстоятельства. Во-первых, централизованный контроль вовсе не снижает издержки – напротив, он их часто увеличивает. Обращение в Конституционный суд предполагает преодоление процедурных барьеров: от требований к институциональному статусу заявителя до обязательного исчерпания всех предварительных средств правовой защиты. Все эти этапы требуют значительных временных и материальных ресурсов.

Помимо своих институциональных последствий, разветвлённый минимизм способствует формированию конституционной культуры, благоприятной для самоуправления в условиях демократии. Когда интерпретация конституции становится делом тысяч судей, юристов и судебных инстанций, конституционные вопросы превращаются в предмет широкого профессионального обсуждения. Юристам необходимо развивать глубокие знания в области конституционного права, чтобы эффективно защищать интересы своих клиентов. Судьям требуется поддерживать соответствующий уровень компетенции для надлежащего исполнения своих обязанностей. А юридическое образование, в свою очередь, должно рассматривать конституционное право как центральный элемент, а не как периферийную дисциплину.

Такое повсеместное вовлечение в конституционную проблематику приносит соответствующие плоды и в гражданской сфере. Граждане привыкают к конституционной аргументации

как к естественной части судебной практики. Конституционные ценности пронизывают правоприменение в самых разных областях. Конституционное сознание формируется не только среди узких специалистов, но и в более широких слоях юридического сообщества, а через него – и в общественной жизни в целом.

Контраст с моделью сосредоточенного контроля весьма показателен. В рамках кельзеновского подхода компетенции в области конституционного права концентрируются в руках узкой профессиональной группы – судей специализированного органа и адвокатов, имеющих право выступать перед ним. Обычные юристы не обязаны овладевать конституционным инструментарием, поскольку не могут использовать его в практике повседневного судопроизводства. Обычные граждане сталкиваются с конституционными вопросами лишь теоретически – как с предметом, решаемым отдалёнными инстанциями, а не как с чем-то, имеющим непосредственное значение. В результате культура конституционного права ослабевает, а вместе с ней снижается и профессиональная компетентность.

Таким образом, разветвлённый монизм укрепляет основы демократии не только через институциональные механизмы, но и через преобразование самой профессиональной и общественной среды. Он формирует такое юридическое сообщество и такую гражданскую среду, в которых конституционные ценности становятся живой реальностью, а не отвлечёнными понятиями. Конституция начинает функционировать в полной мере как основной закон, регулирующий все аспекты публичной деятельности, а не как узкоспециализированный кодекс, доступный лишь ограниченному кругу посвящённых.

Заключение

Настоящая статья выдвигает смелую и принципиальную идею: суды конституционного надзора, являющиеся центральным элементом европейской модели конституционного контроля, представляют собой институциональную ошибку, требующую устранения путём структурной реформы. Аргументация выстроена поэтапно: критический разбор теоретической концепции Кельзена о «негативном законотворчестве», анализ процессов деградации конституционной практики в условиях централизованного контроля, эмпирическое рассмотрение кризисов в постсоветских странах, теоретическое обоснование

альтернативной модели диффузного монизма и предложение дорожной карты институционального преобразования.

Теоретический вклад заключается в выявлении и анализе феномена конституционной атрофии – постепенной утраты способности судов общей юрисдикции к самостоятельному осмыслению и применению конституционных норм. Модель Кельзена, отделяя интерпретацию Конституции от повседневной судебной практики, препятствует формированию полноценной правовой культуры в системе общего судопроизводства. С течением времени судьи усваивают, что конституционные вопросы выходят за рамки их компетенции; образовательные программы для юристов теряют акцент на соответствующих навыках; общее правовое поле утрачивает необходимый уровень конституционного мышления.

Эмпирический вклад основан на анализе функциональных проблем в работе конституционных судов в странах постсоветского пространства. Примеры из Казахстана, России и других государств СНГ показывают, что сосредоточение конституционного надзора в одном органе создаёт уязвимость перед внешними воздействиями. Суды, стремящиеся к независимости, подвергаются реорганизации или устранению; суды, демонстрирующие гибкость, утрачивают способность к нормативному ограничению. В обоих случаях защитная роль конституции ослабляется. Модель диффузного монизма, распределяющая ответственность за толкование Конституции между тысячами судей, демонстрирует большую устойчивость в подобных условиях.

Нормативный аспект исследования состоит в формулировании диффузного монизма как теоретической базы для обновления систем конституционного правосудия. Согласно данной модели, толкование основного закона является неотъемлемой частью судебной функции и не может быть изолировано в рамках специализированного органа без методологического противоречия. Конституция – это право; судьи применяют право; следовательно, все судьи должны иметь полномочия применять Конституцию.

Практический вклад статьи выражен в разработке модели реформы, применимой к правовым системам, использующим централизованный контроль. Предложение о замене отдельных конституционных судов конституционными палатами в составе верховных судов сохраняет элементы специализации, но устраняет разрыв между общей и конституционной юрисдикцией.

Анализ признаёт определённые ограничения. Во-первых, фокус на постсоветских странах ограничивает обобщаемость выводов. Успешные примеры, такие как Федеральный конституционный суд Германии, а также суды Испании, Южной Кореи и Колумбии, демонстрируют, что при наличии устойчивых институтов и развитой юридической среды модель Кельзена может функционировать эффективно. Настоящая критика актуальна прежде всего для контекстов, где такие предпосылки отсутствуют.

Во-вторых, предложенная реформа предполагает наличие условий для её проведения. В случаях, где суды служат действующим режимам, стимулы к изменениям минимальны. Поэтому предложенные меры особенно актуальны в условиях перехода и трансформации.

В-третьих, переход от централизованной к распределённой модели сопряжён с вызовами: необходима перестройка образовательных стандартов, профессионального обучения и правовой культуры в целом. Эти изменения потребуют времени и адаптации, что, тем не менее, не умаляет сути предложенного подхода.

Централизованная модель, основанная на понимании конституционного правосудия как отдельного законодательного процесса, приводит к множеству институциональных последствий: отчуждённости судей низших инстанций, снижению доступности защиты прав, ограниченности судебного анализа и большей восприимчивости к внешнему влиянию.

В отличие от неё, диффузный подход предлагает иные преимущества: распределённую ответственность, оперативную защиту конституционных норм и устойчивость, основанную

на многообразии судебных интерпретаций. Он переосмысляет саму природу конституционного правосудия – как часть повседневной справедливости, а не как исключение.

Призыв к отказу от специализированных судов может показаться радикальным, но он отражает простую мысль: Конституция принадлежит не избранным, а всем, кто наделён правом вершить правосудие. Возможность применять Конституцию – не привилегия, а основа судебной миссии. Отказ от этого понимания ослаблял правовую систему на протяжении целого века. Пришло время вернуть Конституцию туда, где ей и надлежит быть – в руки каждого судьи.

Будущие исследования могут быть направлены на изучение уровня конституционной подготовки в различных системах, сравнительный анализ моделей конституционных палат, а также практические сценарии перехода между моделями. Теоретическое развитие концепции судебного монизма также остаётся перспективным направлением для дальнейших исследований.

Ставки в этом вопросе выходят за пределы научной дискуссии. Судебные институты, трактующие и применяющие Конституцию, непосредственно влияют на содержание прав и свобод, пределы публичной власти и возможности общественного развития. Там, где эти институты не выполняют свою функцию, последствия измеряются в утрате достоинства и справедливости. Предложенная реформа – это путь к более действенной защите основного закона не за счёт создания лучших специализированных органов, а через признание того, что эффективное конституционное правосудие возможно там, где каждый судья осознаёт и исполняет своё призвание.

Литературы

- Bickel, A. M. (1962). *The least dangerous branch: The Supreme Court at the bar of politics*. Bobbs-Merrill.
- Brewer-Carías, A. R. (2010). *Constitutional courts as positive legislators in comparative law: General report to the XVIII International Congress of Comparative Law*. Washington, DC.
- Bustamante, T. (2010). Constitutional courts as «negative legislators»: The Brazilian case. *Revista Jurídica Piélagus*, 9, 137-156.
- Cappelletti, M. (1971). *Judicial review in the contemporary world*. Bobbs-Merrill.
- Derlén, M. (2009). *Multilingual interpretation of European Union law*. Kluwer Law International.
- Ely, J. H. (1980). *Democracy and distrust: A theory of judicial review*. Harvard University Press.
- COMELLA, V. F. (2009). *Constitutional Courts and Democratic Values: A European Perspective*. Yale University Press. <http://www.jstor.org/stable/j.ctt1np70w>
- Friedman, B. (2002). The birth of an academic obsession: The history of the countermajoritarian difficulty, part five. *Yale Law Journal*, 112(2), 153-259.
- Friedman, B. (2009). *The will of the people: How public opinion has influenced the Supreme Court and shaped the meaning of the Constitution*. Farrar, Straus and Giroux.
- Galanter, M. (1974). Why the «haves» come out ahead: Speculations on the limits of legal change. *Law & Society Review*, 9(1), 95-160.

- Ginsburg, T. (2003). *Judicial Review in New Democracies: Constitutional Courts in Asian Cases*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ginsburg, T., & Simpser, A. (Eds.). (2014). *Constitutions in authoritarian regimes*. Cambridge University Press.
- Ginsburg, T., & Versteeg, M. (2014). Why do countries adopt constitutional review? *Journal of Law, Economics, and Organization*, 30(3), 587-622.
- Ginsburg, T., & Versteeg, M. (2024). Models of constitutional review. In *Oxford handbook of comparative judicial behavior*. Oxford University Press.
- Helmke, G. (2004). *Courts under Constraints: Judges, Generals, and Presidents in Argentina*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hinghofer-Szalkay, S. G. (2017). The Austrian Constitutional Court: Kelsen's creation and federalism's contribution? *Revue interdisciplinaire d'études juridiques*, 79(2), 227-261.
- Hirschl, R. (2004). *Towards juristocracy: The origins and consequences of the new constitutionalism*. Harvard University Press.
- Kelsen, H. (1928). La garantie juridictionnelle de la Constitution (La Justice constitutionnelle). *Revue du droit public et de la science politique en France et à l'étranger*, 45, 197-257.
- Kelsen, H. (1942). Judicial review of legislation: A comparative study of the Austrian and the American Constitutions. *Journal of Politics*, 4(2), 183-200.
- Kelsen, H. (1967). *Pure theory of law* (M. Knight, Trans.). University of California Press. (Original work published 1960).
- Klarman, M. J. (2004). *From Jim Crow to civil rights: The Supreme Court and the struggle for racial equality*. Oxford University Press.
- Kommers, D. P., & Miller, R. A. (2012). *The constitutional jurisprudence of the Federal Republic of Germany* (3rd ed.). Duke University Press.
- Llewellyn, K. N. (1930). A realistic jurisprudence—The next step. *Columbia Law Review*, 30(4), 431-465.
- Marbury v. Madison*, 5 U.S. (1 Cranch) 137 (1803).
- Posner, R. A. (2008). *How judges think*. Harvard University Press.
- Příbáň, J. (2007). *Legal symbolism: On law, time, and European identity*. Ashgate.
- Schwartz, H. (2000). *The struggle for constitutional justice in post-communist Europe*. University of Chicago Press.
- Sinani, B. (2024). Global patterns of constitutional judicial review systems: Two major models of constitutional judicial review in the world. *Juridical Tribune*, 14(1), 155-172.
- Stone Sweet, A. (2000). *Governing with judges: Constitutional politics in Europe*. Oxford University Press.
- Tushnet, M. (2008). *Weak courts, strong rights: Judicial review and social welfare rights in comparative constitutional law*. Princeton University Press.
- Tushnet, M. (2023). In the balance: Law and politics on the Roberts Court. W.W. Norton.
- Trochev, A., & Juzgenbayev, A. (2025). Diverging Trajectories of Post-Soviet Constitutional Courts. *Constitutional Studies*, 11(1), 271-315. <https://doi.org/10.15781/43f33f59>
- Waldron, J. (2006). The core of the case against judicial review. *Yale Law Journal*, 115(6), 1346-1406.
- Wilson, B. M. (2010). Constitutional accountability in Costa Rica. In S. Gloppen, R. Gargarella, & E. Skaar (Eds.), *Democratization and the judiciary: The accountability function of courts in new democracies* (pp. 77-96). Routledge.
- Yakunin, V., & Abrámová, M. (2023). Post-Soviet political and legal transformations: Institutional design of constitutional justice in the Commonwealth of Independent States (CIS). *Cuestiones Constitucionales*, 49, 3-36.
- Yowell, P. (2019). The negative legislator. In *Constitutional rights and constitutional design*. Hart Publishing.

References

- Bickel, A. M. (1962). *The least dangerous branch: The Supreme Court at the bar of politics*. Bobbs-Merrill.
- Brewer-Carías, A. R. (2010). *Constitutional courts as positive legislators in comparative law: General report to the XVIII International Congress of Comparative Law*. Washington, DC.
- Bustamante, T. (2010). Constitutional courts as «negative legislators»: The Brazilian case. *Revista Jurídica Piélagus*, 9, 137-156.
- Cappelletti, M. (1971). *Judicial review in the contemporary world*. Bobbs-Merrill.
- Derlén, M. (2009). *Multilingual interpretation of European Union law*. Kluwer Law International.
- Ely, J. H. (1980). *Democracy and distrust: A theory of judicial review*. Harvard University Press.
- COMELLA, V. F. (2009). *Constitutional Courts and Democratic Values: A European Perspective*. Yale University Press. <http://www.jstor.org/stable/j.ctt1np70w>
- Friedman, B. (2002). The birth of an academic obsession: The history of the countermajoritarian difficulty, part five. *Yale Law Journal*, 112(2), 153-259.
- Friedman, B. (2009). *The will of the people: How public opinion has influenced the Supreme Court and shaped the meaning of the Constitution*. Farrar, Straus and Giroux.
- Galanter, M. (1974). Why the «haves» come out ahead: Speculations on the limits of legal change. *Law & Society Review*, 9(1), 95-160.
- Ginsburg, T. (2003). *Judicial Review in New Democracies: Constitutional Courts in Asian Cases*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ginsburg, T., & Simpser, A. (Eds.). (2014). *Constitutions in authoritarian regimes*. Cambridge University Press.

- Ginsburg, T., & Versteeg, M. (2014). Why do countries adopt constitutional review? *Journal of Law, Economics, and Organization*, 30(3), 587-622.
- Ginsburg, T., & Versteeg, M. (2024). Models of constitutional review. In *Oxford handbook of comparative judicial behavior*. Oxford University Press.
- Helmke, G. (2004). *Courts under Constraints: Judges, Generals, and Presidents in Argentina*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hinghofer-Szalkay, S. G. (2017). The Austrian Constitutional Court: Kelsen's creation and federalism's contribution? *Revue interdisciplinaire d'études juridiques*, 79(2), 227-261.
- Hirschl, R. (2004). *Towards juristocracy: The origins and consequences of the new constitutionalism*. Harvard University Press.
- Kelsen, H. (1928). La garantie juridictionnelle de la Constitution (La Justice constitutionnelle). *Revue du droit public et de la science politique en France et à l'étranger*, 45, 197-257.
- Kelsen, H. (1942). Judicial review of legislation: A comparative study of the Austrian and the American Constitutions. *Journal of Politics*, 4(2), 183-200.
- Kelsen, H. (1967). *Pure theory of law* (M. Knight, Trans.). University of California Press. (Original work published 1960).
- Klarman, M. J. (2004). *From Jim Crow to civil rights: The Supreme Court and the struggle for racial equality*. Oxford University Press.
- Kommers, D. P., & Miller, R. A. (2012). *The constitutional jurisprudence of the Federal Republic of Germany* (3rd ed.). Duke University Press.
- Llewellyn, K. N. (1930). A realistic jurisprudence—The next step. *Columbia Law Review*, 30(4), 431-465.
- Marbury v. Madison*, 5 U.S. (1 Cranch) 137 (1803).
- Posner, R. A. (2008). *How judges think*. Harvard University Press.
- Průbáň, J. (2007). *Legal symbolism: On law, time, and European identity*. Ashgate.
- Schwartz, H. (2000). *The struggle for constitutional justice in post-communist Europe*. University of Chicago Press.
- Sinani, B. (2024). Global patterns of constitutional judicial review systems: Two major models of constitutional judicial review in the world. *Juridical Tribune*, 14(1), 155-172.
- Stone Sweet, A. (2000). *Governing with judges: Constitutional politics in Europe*. Oxford University Press.
- Tushnet, M. (2008). *Weak courts, strong rights: Judicial review and social welfare rights in comparative constitutional law*. Princeton University Press.
- Tushnet, M. (2023). In the balance: Law and politics on the Roberts Court. W.W. Norton.
- Trochev, A., & Juzgenbayev, A. (2025). Diverging Trajectories of Post-Soviet Constitutional Courts. *Constitutional Studies*, 11(1), 271-315. <https://doi.org/10.15781/43f33f59>
- Waldron, J. (2006). The core of the case against judicial review. *Yale Law Journal*, 115(6), 1346-1406.
- Wilson, B. M. (2010). Constitutional accountability in Costa Rica. In S. Gloppen, R. Gargarella, & E. Skaar (Eds.), *Democratization and the judiciary: The accountability function of courts in new democracies* (pp. 77-96). Routledge.
- Yakunin, V., & Abrámová, M. (2023). Post-Soviet political and legal transformations: Institutional design of constitutional justice in the Commonwealth of Independent States (CIS). *Cuestiones Constitucionales*, 49, 3-36.
- Yowell, P. (2019). The negative legislator. In *Constitutional rights and constitutional design*. Hart Publishing.

Сведения об авторе:

Махамбетсалиев Даурен Бахтыбайұлы – магистр юридических наук, юрист европейских и английских школ в индивидуальном предпринимательстве «Crown Study and Travel» (Алматы, Казахстан, e-mail: makhambetsaliyev98@gmail.com).

Information about the author:

Makhambetsaliyev Dauren (author for correspondence) – Master of Law, Lawyer at the European and English Schools of Private Entrepreneurship «Crown Study and Travel» (Almaty, Kazakhstan, *e-mail: makhambetsaliyev98@gmail.com).

Автор туралы мәлімет:

Махамбетсалиев Даурен Бахтыбайұлы (хат-хабарларға арналған автор) – заң ғылымдарының магистрі, «Crown Study and Travel» жеке кәсіпкерліктегі еуропалық және ағылшын мектептерінің заңгері (Алматы, Қазақстан, e-mail: makhambetsaliyev98@gmail.com).

Зарегистрирован: 05.01.2026

Принят: 20.03.2026